

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.055
УДК 81'42:070

Л. О. Чернейко
Яньян Ли

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

АББРЕВИАТУРА КАК НОМИНАТИВНЫЙ И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ЗНАК В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ СМИ

Статья посвящена аббревиатуре, рассматриваемой как активно функционирующий в современных российских СМИ знак. Цель исследования состоит в том, чтобы, проанализировав типы аббревиатур и их функции, выявить коннотативные значения и причины их возникновения, определить типы коннотативных смыслов, а главное — рассмотреть аббревиатуры в аспекте рецептивной лингвистики, т. е. с позиции восприятия читателем (слушателем). Методологической основой проведенного исследования является признание за аббревиатурой а) значимости социального фактора, порождающего такой параметр вторичного знака, как тенденцию к «сакрализации» («корпоративизации») определенной сферы профессиональной деятельности, специального знания, и б) семантико-стилистической самостоятельности, обусловленной наличием оценочных коннотаций, не присущих производящей базе. Теоретическую основу исследования в аспекте предлагаемых решений по проблемам словообразовательной структуры аббревиатур и их функций составляют труды Е. А. Земской и Е. В. Клобукова. Материалом для исследования послужили контексты, выбранные из СМИ (журнал «Огонек», газеты: «Известия», «Коммерсантъ», «Литературная газета», «Московский Комсомолец» и др.), а также примеры из лингвистических исследований, посвященных аббревиатуре (С. А. Никишина, А. П. Сковородников). Наиболее важные выводы сводятся к следующим положениям: 1. Сугубо номинативная функция аббревиатуры, определившая ее статус как вторичного знака, в современных СМИ сменяется функцией экспрессивной, делающей ее самостоятельным знаком, прагматически отличным от производящей базы (*креакл*); 2. Наплыв аббревиатур в современной русской речи объясняется не только принципом экономии языковых средств говорящего, но и тенденцией к «корпоративизации» языка в определенных сферах социума (властные структуры, бюрократический аппарат); 3. Широкое распространение аббревиатур в современной политической и отражающей ее речи СМИ сделало эти знаки языка объектом эстетической оценки (часто отрицательной) в первую очередь по причине их неблагозвучия (*УМДиДО*, *наибест*) и/или возникающих нежелательных ассоциаций с лексикой негативного содержания (*МРОТ* — *уМРОТ* — *умрет*) или со стилистически сниженной лексикой (*МУДО*, *РЯФКА*, *недобр*). Подобное отношение носителей языка к аббревиатурам позволяет считать эти знаки объектом рецептивной лингвистики; 4. Способ введения аббревиатуры в текст определяется степенью ее общеизвестности. Хороший стиль речи и уважение к адресату предполагают обязательную расшифровку аббревиатуры; 5. Аббревиатура обладает способностью

к «смыслоперепроизводству» за счет внедрения в хорошо известное слово-«контейнер» (*коронОРВИрус*). Механизм такого игрового словообразования — паронимическая аттракция.

Ключевые слова: аббревиатура; каламбур; коннотация; номинация; паронимическая аттракция; рецептивная эстетика; тенденция к «сакрализации» профессиональной сферы; экспрессивность

Цитирование: Чернейко Л. О., Ли Я. Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ. DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.055 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 229–246.

Поступила в редакцию: 30.11.2019

Принята к печати: 14.07.2020

Lyudmila O. Cherneyko

Yanyan Li

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

ABBREVIATION AS A NOMINATIVE AND EXPRESSIVE SIGN IN TEXTS OF THE RUSSIAN MEDIA

This article considers abbreviations as signs widely used in the contemporary Russian media. The study aims at analysing abbreviations and their functions, finding their connotative meanings and defining their types alongside the reasons behind their appearance. The main aim of this paper is to study abbreviations from the point of view of receptive linguistics, i.e. their perception by readers and listeners. The methodological basis of the research is to prove that an abbreviation is used to: a) make a social factor underlying such a parameter of the secondary sign as a tendency to sacralisation of a particular field of knowledge and b) is independent both from the semantic and the stylistic points of view, which is explained by evaluative connotations that are not inherent in the producing base. The theoretical basis of the study of the word-forming structure and functions of abbreviations are works by E. Zemskaya and E. Klobukov. The research material includes contexts taken from such media sources as *Ogonyok*, *Izvestiya*, *Kommersant*, *Literaturnaya Gazeta*, *Moskovsky Komsomolets*, etc. alongside examples from linguistic studies on abbreviations (S. A. Nikishina, A. P. Skovorodnikov). The most important conclusions of the research are as follows: 1. The purely nominative function of abbreviations, which is used to determine their status as a secondary sign, is being replaced by the expressive function in the modern media, making them an independent sign, pragmatically different from their producing base; 2. The wide use of abbreviations in the modern Russian spoken language can be explained not only by the principle of the speaker's need to save their linguistic effort, but also by the tendency to "corporatise" the language in certain spheres (power structures, bureaucratic apparatus); 3. The influx of abbreviations in modern political speech and media speech has made these language signs an object of aesthetic evaluation (often negative), primarily because of their dissonance (*УМДиДО*, *нацбест*) and/or emerging undesirable associations with negative vocabulary content (*МРОТ* is

associated with the Russian word *mryot* “dies”), or with stylistically reduced vocabulary (*МУДО, РЯФКА, недобр*). The attitude of native speakers to abbreviations (which is often negative) lets the authors consider these signs an object of receptive linguistics; 4. The way in which an abbreviation is introduced into the text is determined by the degree of its general familiarity. Good speech style and respect for the addressee always imply that an abbreviation should be decoded; 5. The abbreviation also can “re-produce meaning” by introducing it into a well-known word “container” (*копирВПИрус*). The mechanism of such a word formation is paronymic attraction.

Key words: abbreviation; pun; connotation; nomination; paronymic attraction; receptive linguistics (aesthetics); sacralisation tendency of the professional sphere; expressiveness

For citation: Cherneyko, L. O., & Li, Ya. (2020). Abbreviatura kak nominativnyi i ekspressivnyi znak v tekstakh rossiiskikh SMI [Abbreviation as a Nominative and Expressive Sign in Texts of the Russian Media]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 229–246. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.055

Submitted: 30.11.2019

Accepted: 14.07.2020

Аббревиатура и язык СМИ

Язык современных средств массовой информации отражает и нынешнюю языковую моду, и состояние современного русского языка, в лексиконе которого широко представлена аббревиатура как языковой способ компрессии существующих номинативных средств (словосочетаний). СМИ быстро реагируют на новые события, происходящие в различных сферах жизни, отражают общественное мнение представителей разных социальных групп, выражая свое отношение к описываемой ситуации открыто или завуалированно [Ярмашевич]. Самый важный фактор для современных СМИ — это широта охвата аудитории, поэтому авторы устных и письменных текстов стремятся найти нетривиальные способы передачи информации для привлечения внимания слушателей и/или читателей. Слова-аббревиатуры являются одним из таких способов.

В последние десятилетия в языках мира отмечается значительное увеличение количества аббревиатур, и русская языковая культура не стала исключением. Обилие сокращений привело к созданию многочисленных словарей современных аббревиатур, которые иногда совершенно необходимы при чтении текстов СМИ для их адекватного понимания. Некоторые тексты включают в себя такие узкоспециальные сокращения и в таком количестве, что текст становится мало-понятным рядовому читателю, например:

Остается загадкой, кто в этом случае заплатил более \$9 млрд за БФГ, которая выиграла аукцион по акциям ЮНГ 19 декабря и затем была продана «Роснефти». До 11 января, когда БФГ вроде бы перечислила на счета службы судебных приставов в МДМ-банке оплату за акции ЮНГ [Коммерсантъ, 2005, № 18].

Вполне вероятно, что автор приведенных строк ориентировался не на «читателя вообще», а на узкого специалиста (экономиста, финансиста), но выступление политика было публичным. А в СМИ, ориентированных на широкую аудиторию, корректное введение специальных аббревиатур *должно* сопровождаться их расшифровкой в скобках, тогда как стандартная для профессиональной сферы аббревиатура *может* быть добавлена в скобках:

В России считают, что выход США из Договора по открытому небу (ДОН) был бы большой ошибкой [Коммерсантъ, 2019, № 220].

Причины широкого распространения аббревиатур в языке СМИ следующие: во-первых, употребление аббревиатур соответствует принципу экономии языка, а аббревиатура как компрессивный дериват является воплощением этого принципа; в других функциональных сферах языка (деловой, научной) аббревиация помогает решить проблему сокращения объема материала, который нужно вместить в рамки одной публикации. Во-вторых, стало очевидным, что аббревиатуры способны выполнять не только номинативную, но и экспрессивную функцию [Ильясова, Амири, с. 10], которой лишена их производящая база и которая придает аббревиатуре статус самостоятельного знака с оценочной функцией (эксплицитной и имплицитной). В языке СМИ ценность аббревиатуры определяется не ее номинативностью, а ее креативными возможностями, природа и форма воплощения которых различна, но экспрессивный эффект одинаковый.

Аббревиатура как компрессив

Аббревиация, воплощающая особый способ словообразования, а именно компрессионную деривацию, имеет и глубокую историю, и достаточно широкую географию, а основной функцией аббревиатуры признается номинативная. Но знак, созданный аббревиацией, является метазнаком по отношению к производящей его базе, сокращенной «надстройкой» над устоявшимся аналитическим образованием и при этом семантически тождественной ему (это сфера номенклатурных названий, имен организаций, предприятий и т. д.: МГУ — Московский государственный университет, АСНОВА — Ассоциация новых архитекторов, АИСТ — агрегат искусственной сушки травы), что заставляет исследователей искать иные, не сугубо номинативные или «экономичные» причины объяснения аббревиации как одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном информационном пространстве.

Используя термин «универб» в его широком понимании, позволяющем объединить результаты таких достаточно разных способов словообразования, как аббревиация, сложение, субстантивация и суффиксальная универбация, Е. В. Клобуков (со ссылкой на работы Е. А. Земской) отмечает, что «при создании универба реализуется отнюдь не номинативная функция словообразовательных механизмов языка», а действует социолингвистический фактор, рождающий компрессивные аналоги сочетаний, «высокочастотных в том или ином кругу

лиц» и «общественно актуальных» для данного времени [Клобуков, с. 69]. Социальный фактор многое объясняет в существовании аббревиатур (в причине их возникновения и в их восприятии), а также в попытках связать аббревиацию с картиной мира индивидуума и социума [Тогоева; Тибилова, 2008; 2011].

Что касается самостоятельности аббревиатуры как особого знака, то по этому вопросу среди исследователей нет единства мнений, но многие [см.: Муzychuk; Никишина], наблюдая за поведением аббревиатур в СМИ и деловой сфере, склоняются в сторону признания этого знака самостоятельным, иногда вытесняющим свою производящую основу (*бомж, самбо*). Отсутствие концептуального единства в определении статуса аббревиатуры объясняется объективно присущей знаку вторичностью и, как следствие, семантическим (референциальным) тождеством полному, «первичному» обозначению. Так, например, Э. Кассирер считает, что «аббревиатура не обладает самостоятельной ценностью и не может притязать на какую бы то ни было автономию» [Кассирер, т. 3, с. 265], а Е. А. Земская оценивает аббревиатуры как «скучные слова» [Земская, 2000, с. 120] по той, очевидно, причине, что они имеют лишь стилистическую коннотацию, указывающую на сферу их функционирования, но лишены оценочных или иных коннотативных смыслов, способных придать слову лексическую модальность. Но именно Е. А. Земская является одним из первооткрывателей связи компрессионной функции языка с аббревиатурой как типичным проявлением этой функции в словообразовании — результатом «компрессивной деривации»: «Компрессивное словообразование объединяет те способы... по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская, 1981, с. 120].

Основные принципы классификации аббревиатур

Типологии аббревиатур посвящено достаточно много исследований, в которых акцент сделан на словообразовательном аспекте их изучения (например, статья [Клобуков, Гудилова], посвященная типологии продуктивных способов образования аббревиатур, дает глубокий анализ и существующих концепций). Термин «аббревиатура» традиционно определяется в лингвистике как имя существительное, которое состоит из усеченных отрезков производящих аббревиатуру слов, опорный компонент которого может оставаться целым, неусеченным словом [РГ, т. 1, с. 252]. Однако зона референции термина колеблется от широкого охвата компрессивов (аббревиатуры-акронимы и сложносокращенные слова) до более узкого, включающего только акронимы. В настоящей статье термин «аббревиатура» принимается в его широком понимании.

Если обратиться к авторитетным словарям лингвистических терминов [Ахманова, с. 25; Суперанская, с. 220—221; ЛЭС, с. 9], то в них, несмотря на различия в интерпретации этого языкового феномена, в аббревиатурах выделяется общий параметр — это наличие в их составе в разной степени усеченных

начальных элементов производящей базы (как правило, словосочетаний) и их комбинации. На основе этого параметра и происходит основное разделение аббревиатур на: а) «собственно аббревиатуры» (или аббревиатуры инициального типа, акронимы), в состав которых входят (при узком понимании термина «акроним») либо начальные звуки в их полном (*ВУЗ, ЗОЖ*) или редуцированном, если речь о гласных, виде (*РОНО, ОСАГО*), либо (при более широком понимании термина) начальные буквы производящих слов (*МГУ, ЛДПР*), либо начальные звуки и буквы одновременно (*ЕГЭ, ЦСКА*); б) «сложносокращенные слова», составленные, как правило, из начальных элементов (словов или морфем) базового словосочетания в их разной комбинации друг с другом и с акронимами (*завхоз, лавсан, ГОРОНО*), а также включающие целые слова, взятые в их определенных словоформах (*Минобрнауки, завкафедрой*).

В лингвистической литературе этот материал достаточно хорошо описан и классифицирован, изучена и звуко-буквенная организация акронимов. Следует подчеркнуть, однако, что возвращение к проблеме структуры акронима обусловлено как восприятием этого типа аббревиатур, так и пониманием термина «акроним», которое в современной лингвистике не приведено к общему знаменателю, между тем «широкое» понимание акронима как звуко-буквенного образования опирается на обязательность законов фонетической синтагматики и поэтому представляется наиболее правомерным. Так, например, аббревиатура *США* по законам русского языка не может быть звуковой, поскольку зубной фриктивный [с] в позиции перед переднеязычным фриктивным [ш] меняется на небный, что дает односложное слово с долгим Ш [шша]. Но так произносить не принято. Однако и как буквенная аббревиатура *США* привлекает внимание соединением слогов с неверным произношением названий букв, хотя случай этот не единичный (*ФРГ*). В узко понимаемые акронимы не вписываются сокращения типа *ФЗНЦ* (Фонд защиты национальных ценностей), *КНР* (Китайская народная республика), *СССР* и мн. др., поскольку они состоят из одних согласных.

Для рецептивной лингвистики неблагозвучность комбинаций звуков, возникающая при сокращении аналитического наименования (как и неблагоприятные ассоциации, основа которых — действие механизма паронимической аттракции), представляет собой важнейший фактор, определяющий буквенный (или смешанный) характер аббревиации. Однако проблема эта как сугубо фонетическая (и орфоэпическая) к рассматриваемой теме прямого отношения не имеет, но в круг предметов рецептивной лингвистики благозвучие аббревиатуры входит на законных основаниях.

Аббревиатура в зеркале ее восприятия

В текстах СМИ «сухие» и «скучные» аббревиатуры становятся эффективным экспрессивным средством, поскольку языковая креативность говорящего может превратить «скучные слова» в интересные, останавливающие взгляд читателя и притягивающие мысль лингвиста инструменты оценки. С другой

стороны, сами аббревиатуры становятся предметом оценки — как общей, так и частной (в основном эстетической и утилитарной). Аббревиатуры, рождение которых предопределено компрессивной функцией языка, а изначальная их роль как вторичного знака приписывает аббревиатуру к множеству номинативных средств лексикона, в текстах СМИ становятся орудием социального воздействия на читателя, захватывающим его эмоциональную сферу [Чернейко, 2017, с. 118]. Аббревиатуры-неологизмы обладают всеми достоинствами и недостатками окказиональных слов, ориентированных «на более точное, полное и образное выражение мысли адресата... появление в литературной речи (аббревиатур) создает ощущение новизны и экзотичности, неожиданность их употребления способствует смене пассивного восприятия активным, появлению сильных эмоциональных реакций» [Тибилова, 2011, с. 124]. Однако эмоциональные реакции на неологизмы (и аббревиатуры в частности) бывают не только сильными, но и резко отрицательными.

Кроме общепринятой психофизиологической причины возникновения основного массива аббревиатур, определяемой как языковая экономия, Е. Г. Водолазкин в своем лингвистическом эссе «Госкомаббревиатура» (более ранний его вариант опубликован в № 16 за 2008 «Новой газеты» под названием «Надо развивать аббревиатуры») выделяет такую социально значимую причину (называя ее «движущей силой»), как «стремление к сакрализации» культурной субсферы социума, поскольку исторически (Греция, Рим) аббревиатуры «обслуживали область сакрального», а «святость явления предполагает его неназывание или, по крайней мере, неполное называние» [Водолазкин, с. 243]. Применительно к современному периоду истории России вряд ли можно говорить о «сакрализации» сфер светской культуры в том древнем значении термина, о котором пишет Е. Г. Водолазкин, однако обнаруживается тенденция к «сакрализации» речи как способа придать ей большую значимость за счет особого корпуса лексики, в котором важнейшее место занимают сокращения. Именно этой лексикой адресант выделяет «своих» адресатов, посвященных, владеющих соответствующим словарем аббревиатур, что демонстрирует приведенный в самом начале статьи контекст. М. А. Кронгауз считает переименования (аббревиатуры в том числе) «затрудняющим коммуникацию» «важным бюрократическим принципом», главный смысл которого состоит в том, чтобы «делать людей беспомощными перед бюрократической машиной» (комментарий к проблеме аббревиатуры) [Кнорре-Дмитриева].

Бесспорно, во многих сферах культуры (особенно в финансовой, юридической, медицинской) существуют аббревиатуры, известные лишь представителям этих сфер, и это нормальное явление, поскольку профессиональные сообщества объединяются предметом своего интереса, необходимостью категоризации очерченного им пространства, мировоззренческими установками, что находит свое выражение в профессиональных дискурсах. Проблема выявления функции сакрализации (может быть, «корпоративизации») аббревиатур в современном обществе как способа выражения «особости» профессиональной картины мира,

в основе которой лежит архаическая оппозиция «свой — чужой», требует специального социолингвистического анализа и разработки методов ее изучения. Но бесспорно и то, что эта функция аббревиатур корреспондирует с тем механизмом их создания, который назван Е. А. Земской и Е. В. Клобуковым «социальным фактором». Проведенные в этой области исследования свидетельствуют о том, что подавляющее количество компрессивов вызвано к жизни потребностью в них определенной социальной группы (например, профессионального сообщества, а также администрации, чиновников, «спускающих» инструкции и стоящих над всеми сообществами).

Что касается сферы образования на всех его уровнях (от школьного до высшего), то наплыв аббревиатур объясняется формализацией образования. Так, например, в полученных свыше «компетенциях» (их около 40), которым преподаватели-филологи обязаны обучить студентов, значатся такие аббревиатуры, как *РЯФКА* (русский язык в функционально-коммуникативном аспекте) и *СКИФКА* (современный русский язык: системно-когнитивный и функционально-коммуникативный аспекты), существующие на фоне *УМДиДО*, *ОПОП ВО*, *ОПК-2.М* и т. п.

Проведенное комплексное описание аббревиатур «документных текстов, имеющих хождение в Нижневарттовском государственном гуманитарном университете», привело к важным наблюдениям социокультурного, эстетического и герменевтического планов. Наиболее значимыми представляются выводы, сделанные на основании результатов социолингвистического опроса: а) «многие из аббревиатур непонятны преподавателям и студентам — основным субъектам учебной деятельности»; б) «отдельные сокращения неблагозвучны и неудобны в произношении» (*ДПИИД*, *СКСиТ*, *ТОФВ*, *УНПиФЭО*, *ФФКиС*); в) многие «вызывают комический эффект (*ИАК*, *ОПТ*, *УС*) или неприятные ассоциации за счет омонимии с другими сокращениями и словами: *БУиФК* (бывший в употреблении), *ИГА* (иге)» [Никишина, с. 41].

Среди зафиксированных аббревиатур [Там же, с. 40–41] встречаются вполне благозвучные, не ранящие языковой слух носителя русского языка (например, *ДиВИ* — кафедра документоведения и всеобщей истории, *КиМ* — кафедра коммерции и менеджмента), но основная их часть не выдерживает критики — ни с позиций лингвистики (в ее ипостаси фонетика), ни с позиции рецептивной эстетики, ни с позиции здравого смысла: *КФиСН* (кафедра культурологии, философии и социальных наук), *ДПИИД* (кафедра декоративно-прикладного искусства и дизайна), *МДНО* (кафедра методик дошкольного и начального образования), *УпоК* (управление по кадрам). Администрация, создавшая этот «креатив», додумалась и до аббревиатуры-акронима *ГИПС*, составленной из фамилий руководителей кафедр, находящихся в ведении факультета педагогики и психологии (Гончарова, Истомина, Петрова, Снегирева).

В текстах российских СМИ часто встречаются новые сокращения, которые выполняют сугубо номинативную функцию, но никак не отражают наличие языкового вкуса у их авторов, например: *сущпол* — существующее положение

[Огонек, 2017, № 20, с. 17], *струкрук* — структурный руководитель [Огонек, 2013, № 6, с. 16], *наццели* («И такие наццели президент поставил в своем майском указе» [Огонек, 2018, № 46, с. 8], *нацбест* — национальный бестселлер [Известия, 15.07.2017, с. 10]). Относительно аббревиатуры *нацбест* следует отметить, что она одобрена создателями премии (доменное имя официального сайта премии — *natsbest*), а ее Большое жюри (отчего бы не быть и аббревиатуре БоЖ — для краткости?) состоит по большей части из профессиональных литературных критиков. Что касается такого современного сугубо номинативного сокращения, как *педобр* (педагог дошкольного или дополнительного образования), то в комментарии к нему отмечается, что оно стало «достойным» приемником аббревиатуры *шкраб* [Музычук, с. 669]. В своей антиэстетике *педобру* не уступает *сисадмин* (системный администратор) и многие другие компрессивы, которые находятся в отношениях паронимической аттракции с уже существующими единицами лексикона, имеющими негативные коннотации (*МРОТ* — *мрёт*, *ОГИБДД* — *погиб*).

Известный педагог, директор одной из лучших школ Москвы Е. А. Ямбург в статье «Что празднуем, мил человек» написал: «Не пугайтесь, это не оскорбительные клички на грани фола, а официальные аббревиатуры. МУДО — муниципальное учреждение дополнительного образования (в девичестве Дом пионеров)» [Ямбург]. Е. А. Ямбург назвал эту аббревиатуру «загадочным и весьма двусмысленным сокращением», а писатель А. Иванов эту двусмысленность обыграл в названии своего романа «Блуда и МУДО». Это свидетельство данной им эстетической оценки аббревиатуры, созданной «для краткости». Становится понятной причина, по которой акроним *МУДО* превратился в *МДОУ* (Муниципальное дошкольное образовательное учреждение). Это означает, что работа лингвистов (сотрудников академических институтов, преподавателей высшей школы и средней [Еськова; Сковородников, 2007; Ямбург; и др.], нацеленная на борьбу с уродливыми «экономичными» аббревиатурами-неологизмами, не проходит даром. Однако борьба с такими аббревиатурами, как *РПЦ*, *ХХС*, *ВОВ* и т. п., заслуженно получившими название «лингвоцинизмы» [Сковородников, 2007; 2016], к желаемым результатам пока не привела.

Как уже было отмечено, восприятие аббревиатур-акронимов носителями языка («потребителями» аббревиатур) оказывает значительное влияние на их фонетический облик, что приводит к превращению звуковых аббревиатур в буквенные или в контаминированные звукобуквенные. Одни аббревиатуры получают высокую эстетическую оценку (*БАМ*, *ГУМ*, *РАН* — «короткие и звонкие, как питерская капель» [Водолазкин, с. 242], новая удачная аббревиатура *Дармарка*, зафиксированная в [Тху Хыонг БеТ хи] и обозначающая благотворительную акцию, возникла из сложения усеченных слов *дарить* + *ярмарка*), а другие расцениваются как «тяжеловесные, фонетически неподъемные, опровергающие своим существованием принцип языковой экономии», как, например, *Минздравсоцразвитие*, которое «свалилось на наши головы бесформенной ледяной глыбой» [Водолазкин, с. 242], нарушающей и разрушающей пространство русского языка.

У подобного рода аббревиатур возникают негативные коннотации, но эти коннотации имеют статус эпифеноменов, т. е. побочных продуктов неблагозвучия, поскольку возникают они помимо тех сугубо номинативно-компрессионных целей и задач, которые ставили перед собой их авторы.

Аббревиация как инструмент оценки и как участник языковой игры

В СМИ есть и аббревиатуры иного характера. Известно, что на страницах газет и журналов аббревиация используется и в качестве языковой игры (средства создания каламбурной экспрессии [Земская, 2000, с. 120–124]), и в качестве мощного инструмента оценки. В коммуникативном пространстве социума языковая игра выполняет разнообразные функции, такие, например, как дискредитация, снижение официальности, языкотворчество, развлечение, самоутверждение, маскировка [Санников, 2002, с. 26]. В текстах СМИ языкотворческая и оценочная функции слова занимают доминирующую позицию, потому что язык СМИ прочно связан не только с воплощением различных мировоззрений, бытующих в социуме на определенном этапе его развития, но и с их столкновением. По мнению исследователей, социальная оценочность является одной из главных особенностей языка газеты [Солганик, с. 39], а язык современных газет и журналов стремится к сочетанию стандарта и экспрессии, которые соответствовали бы «состоянию знаний и навыков аудитории» [Волков, с. 201], а также ее мировоззренческим установкам. Рассмотрим следующие контексты:

[1] Представить себя на большой войне большой страны наш *креакл* не может [ЛГ, 2017, № 8–9, с. 5].

Креакл представляет собой такую разновидность аббревиатур, как сложно-сокращенное слово, образованное из нейтрального словосочетания *креативный класс*. В современных толковых словарях прилагательное *креативный* определяется через синонимы *творческий, созидательный, новаторский*, как ‘то, что имеет возможность порождать новое, вносить изменение в окружающий мир’ [Кузнецов, с. 298]. Аббревиатура *креакл*, имея жестко ироническую (пародийную) окраску, в любом контексте выражает резко критическое отношение говорящего к такому сообществу, которое нейтрально (в режиме констатации) именуется *креативным классом*. Эта аббревиатура специально создана для словесного уничтожения этого сообщества. Следовательно, она существует самостоятельно по отношению к своей производящей базе — нейтральному аналитическому наименованию — как его стилистический синоним с пейоративной оценкой.

[2] Мир переживает нашествие *смомби*, или «мертвых ходоков», предупреждают эксперты. Все это, по сути, летопись нового явления: люди настолько увлечены гаджетами, что не замечают мира вокруг [Огонек, 2018, № 19, с. 5].

Аббревиатура *смомби* является сложносокращенным словом, образованным из сочетания частей слов *смартфон* и *зомби*. Через аббревиатуру *смомби* ее автор

выражает и негативную оценку смартфона как зомбирующего, лишаящего человека собственной воли инструмента, и, проявляя озабоченность состоянием индивидуального сознания (а также коллективного), призывает людей очнуться, вернуться из виртуального мира смартфонов в жизнь реальную.

[3] У нас есть еще и творческий конкурс. Но если его отменяют, то с *Бабой-ЕГЭ* нас можно закрывать совсем [МК, 09.08.2011]

Малышей пугают *Бабой-ЕГЭ* [МК, 15.08.2015].

В этом контексте прецедентное собственное имя *Баба-Яга*, имеющее отрицательную оценочную коннотацию, включено в языковую игру с аббревиатурой *ЕГЭ* на базе паронимической аттракции (*Яга — ЕГЭ*) с явным аксиологическим прицелом — усилить негативное отношение к тому виду экзаменов, который стоит за аббревиатурой и оценивается подавляющим большинством российского общества как негативный результат реформирования системы образования, представляющий собой угрозу знаниям, которые должны получить входящие в жизнь выпускники школ.

Креакл, смомби и *Баба-ЕГЭ* — это разные и по аксиологической силе, и по структуре компрессивы, но объединяет их интенция говорящего: они созданы ради оценки, и именно они определяют статус речевого акта как экспрессива. Коннотативные смыслы традиционно связываются с особенностями восприятия и оценки объекта (позиция говорящего), но чаще — с восприятием и оценкой слова [Апресян, т. 2, с. 247], в содержание которого коннотация включается на правах его прагматического элемента (позиция слушающего). В прагматическом значении аббревиатуры фиксируется отношение говорящего и к ситуации, и к предмету речи. Коннотативное значение может возникнуть в аббревиатуре, как и в любом другом слове, в результате невинной языковой игры, но в текстах масс-медиа языковая игра с аббревиатурами направлена не на развлечение читателя, а на достаточно жесткую оценку происходящего.

Определение термина «каламбур» как ‘фигуры речи, состоящей в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов’ [Ахманова, с. 182] вписывает его в языковые игры на правах одной из разновидностей, которая является, по мнению З. Фрейда, «самой многочисленной» и «самой дешевой» группой острот [Фрейд, с. 97]. Но у В. З. Санникова иное мнение, потому что он видит в каламбуре «большое искусство» и считает его вечным, «как вечен питающий его язык» [Санников, 2005, с. 12–14]. Каламбур действительно «питается» языком, а один из его самых мощных ресурсов — паронимическая аттракция как особая разновидность лексической ассимиляции [Чернейко, 2016]. В обыденной речи паронимическая аттракция является и причиной такого неконтролируемого состояния слушающего, как его ослышки, и целью спонтанных, но контролируемых действий говорящего — языковой игры [Чернейко, 2012, с. 19] (пример из смс-переписки: *Таня, уччасть решила вашу участь*). В сфере действия устно-письменного языка (виртуальное пространство) компрессия «правит бал», но данный пример

демонстрирует совмещение экономии языковых средств и расточительности языковой игры, а также тот факт, что в игру на базе паронимической аттракции втягиваются аббревиатуры разных типов.

Рассмотрим следующие контексты:

[4] Киев не *ПРО*тив американских радаров [КП, 03.03.2007].

[5] Не *НАТО* вмешиваться. Турция пока не решила, как отреагировать на сбитый Сирией самолет [РГ, 26.06.2012].

В этих контекстах есть слова-аббревиатуры, но в случае [4] аббревиатура *ПРО* (противоракетная оборона) графически вписана в предлог *против*, что нарушает линейность знака, но придает ему смысловой объем, прямо противоположный отрицанию ('Киев за ПРО'), а в [5] — смысловой объем удваивается за счет возможной омофонии аббревиатуры *НАТО* и предикатива *надо* в редуцированной разговорной речи. В обоих случаях актуализированы отрицательные коннотации, намекающие на вмешательство США и НАТО во внешнюю политику государств. В окказиональной «контейнерной» аббревиатуре *КоронОРВИрус* [Коммерсантъ, 2020, № 70], вынесенной в заголовок статьи, аббревиатура *ОРВИ* (острая респираторная вирусная инфекция) вставлена в термин «коронавирус». Вне контекста данная конструкция может восприниматься двояко: и как занижение опасности ковида через его приравнивание к обычному ОРВИ, и как повышение опасности ОРВИ в создавшихся условиях, но контекст позволяет считать правильной только вторую интерпретацию. Таким образом, включение аббревиатуры в состав слова на основе ее сходства с написанием (и/или произношением) создает ситуацию либо наложения смысла аббревиатуры на смысл слова-контейнера (*ПРО*тив), либо каламбурного совмещения смыслов в одном означающем (парониме или омофоне). Цель совмещения смыслов на базе паронимической аттракции означающих состоит в том, чтобы через отрицательную коннотацию квазиэтимологической вставки выразить оценку явления, стоящего за общепринятым словом, исполняющим роль аксиологического контейнера [Чернейко, 2012, с. 21].

Кроме игры, в которой аббревиатура нацелена на оценку внеязыкового факта, существует такой вид игры, как шутливо-ироническая расшифровка самой аббревиатуры, получившая названия «дезаббревиация» [Земская, 2004, с. 561] и «бэкроним» [Стахеева, с. 74] (ВУЗ — выйти удачно замуж, SOS — Save Our Souls), а также представление обычных слов как аббревиатур (Небо — не быть одиноким, СЛОН — смерть легавым от ножа в [Шумарин]), что вполне правомерно рассматривать как разновидность бэкронима. В современных СМИ обнаруживается и такой вид игры (но с аксиологической интенцией), как создание аббревиатуры, в которую вписана пейоративная оценка, например: «ПДД для ГИБДД — это перечень *СЧСОДyH* (сравнительно честных способов отъема денег у населения)» [ЛГ, 2019, № 3, с. 20]. Окказиональная аббревиатура *СЧСОДyH* в словарях аббревиатур не зафиксирована. Изучение этих видов языковой игры

(а также графическое оформление акронимов с точкой между буквами вопреки существующим правилам, например, А.У.Е.) представляет собой важный и актуальный лингвистический предмет, но его подробное рассмотрение выходит за рамки поставленных в статье задач.

Выводы

Не только принцип экономии языковых средств, но и социолингвистический фактор является мощным стимулом создания универбов (и аббревиатур как одной из их разновидностей), а словообразовательная компрессия представляет собой языковой механизм, обеспечивающий социальный запрос. С этим фактором связана и выраженная тенденция современного профессионального сообщества придать аббревиатуре, которую расшифровать может только «посвященный», статус единицы, связанной с «особостью» профессиональной сферы, с корпоративностью ее сознания, что вслед за Е. Г. Водолазкиным можно обозначить как «тенденцию к сакрализации» престижных профессий или «тенденцию к корпоративизации» профессионального языка. Кроме «экономного» способа словопроизводства аббревиатура обладает способностью и к «смыслоперепроизводству»: за счет механизма паронимической аттракции акроним вставляется в хорошо известные слова на правах их квазиэтимологической части, выделяемой графически, что создает смысловую двумерность слова вследствие совмещения в одном означающем разных означаемых. Может быть и наложение, если акроним находит себе омоним (омофон или даже пароним). Этот тип языковой игры широко представлен в современных российских СМИ. Традиционное представление об аббревиатуре как о метазнаке, вторичном по отношению к производящей основе и несамостоятельном, расшатывается ее экспрессивной функцией, которая оказывается для СМИ приоритетной. Но если оценочные коннотации аббревиатуры оправдываются замыслом говорящего, то стилистические коннотации номинативных аббревиатур, возникающие как побочные эффекты (эпифеномены) неблагозвучности и/или нежелательных ассоциаций с уже существующими словами, вызывают беспокойство не только филологов, но и людей, имеющих языковое чутье и языковой вкус и считающих, что «проникновение новых слов должно быть контролируемым» [Водолазкин, с. 251]. Аббревиатура как знак-компрессив в эпоху информационного бума никуда не исчезнет, но на ее создателях лежит ответственность за экологию языка и русской речи.

Источники

- Известия. 15.07.2017.
Коммерсантъ. 2005. № 18; 2019. № 220; 2020. № 70.
КП — Комсомольская правда. 03.03.2007.
ЛГ — Литературная газета. 2017. № 8—9; 2019. № 3.

МК — Московский Комсомолец. 09.08.2011; 15.08.2015.

Огонек. 2013. № 6; 2017. № 20; 2018. № 19, № 46.

РГ — Российская газета. 26.06.2012.

Исследования

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Восточная литература, 1995.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966.

Водолазкин Е. Г. Госкомаббревиатура // Водолазкин Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка. М. : АСТ, 2019. С. 242—251.

Волков А. А. Язык и мышление. М. : ЛЕНАНД, 2015.

Еськова Н. А. Варварская аббревиатура // Наука и жизнь. 2000. № 5. С. 38.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М. : Наука, 1981.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / [В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др. ; отв. ред. Е. А. Земская]. М. : Язык русской культуры, 2000. С. 90—140.

Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта, 2009.

Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. Т. 3. СПб. : Университетская книга, 2002.

Клобуков Е. В. Универсация в ее отношении к системе способов современного русского словообразования // Язык, литература, культура : актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 11 / [редкол.: Л. П. Клобукова (отв. ред.), Л. А. Дунаева, И. Б. Васильева]. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 68—80.

Клобуков Е. В., Гудилова С. В. Продуктивные типы образования современных русских аббревиатур // Язык, литература, культура : актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 1 / [редкол.: Л. П. Клобукова (отв. ред.), Л. А. Дунаева, И. Б. Васильева]. М. : МАКС Пресс, 2005. С. 17—34.

Кнорре-Дмитриева К. Аббревиатуры времен полной политической стабильности // Новая газета. 14 февраля 2015. № 16. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2015/02/14/63055-chego-stoit-odin-171-operden-187> (дата обращения: 03.09.2020).

Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб. : РИПОЛ классик, 2008.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990.

Музычук Т. Л. Шкрабы из МУДО: аббревиатурные слова в информационном топонимическом пространстве сибирского города // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 665—672.

Никишина С. А. Аббревиатуры: генезис, словообразовательный статус, морфемная структура, тематические группы, употребление и прогнозы // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4. С. 37—47.

РГ — Русская грамматика : [в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М. : Наука, 1980. Т. 1.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М. : Языки славянской культуры, 2002.

Санников В. З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3—20.

Сковородников А. П. Лингвоцинизмы // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 302—303.

- Сковородников А. П. Экология русского языка. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016.
- Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи. М. : Русский язык, 2002.
- Стахеева А. В. Аббревиация как словотворчество и языковая игра // Функциональные и этнокультурные аспекты изучения русского языка = Functional and ethnocultural aspects of the russian language's study / А. В. Стахеева, Н. А. Власкина. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 17–166.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Тибилова М. И. Роль современных аббревиатур в формировании языковой картины мира // Языковое образование в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 59–63.
- Тибилова М. И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Астрахан. гос. ун-т. Астрахань, 2011.
- Тюгеева С. И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека / [Л. В. Барсук, А. А. Залевская, Е. Ю. Мягкова и др.]. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. С. 75–101.
- Тху Хыонг БеТхи. Аббревиатуры в языке современных средств массовой информации // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 17–26.
- Фрейд З. Я и Оно. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001.
- Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 2. С. 7–40.
- Чернейко Л. О. Лексическая ассимиляция: сфера действия и основания для типологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 208–227.
- Чернейко Л. О. Аксиологический потенциал аббревиатуры в свете общих проблем оценочной лексики // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ / под ред. В. В. Славкина. М. : Фак. журн. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. С. 118–119.
- Шумарин С. И. Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 2011. № 6. С. 85–91.
- Ямбург Е. А. Что празднуем, мил человек // Московский Комсомолец. 30.09.2010. URL: <https://www.mk.ru/social/2010/09/30/533367-chto-prazdnuem-mil-chelovek.html> (дата обращения: 15.10.2019).
- Ярмашевич М. А. Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистическом и научном стилях (к проблеме соотношения кода и текста) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 1990.

References

- Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye trudy* [Selected Works] (Vol. 2: *Integral'noe opisanie iazyka i sistemaia leksikografiia* [Integral Description of Language and System Lexicography]). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Cassirer, E. (2002). *Filosofia simvolicheskikh form* [The Philosophy of Symbolic Forms] (Vol. 3). St Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Cherneyko, L. O. (2012). Asimmetrichnyi iazykovoi znak v rechi: k voprosu o vzaimodeistvii smyslov v raznykh usloviyakh ikh realizatsii [The Asymmetric Linguistic Sign in Speech: On the Question of Interaction of Meanings in Different Conditions of Their Implementation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2, 7–40.
- Cherneyko, L. O. (2016). Leksicheskaia assimiliatsiia: sfera deistviia i osnovaniia dlia tipologii [Lexical Assimilation: Scope and Grounds for Typology]. In *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* (pp. 208–227). Moscow: Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

Cherneyko, L. O. (2017). Aksiologicheskii potentsial abbreviatury v svete obshchikh problem otsenочноi leksiki [The Axiological Potential of the Abbreviation in the Light of the General Problems of Evaluative Vocabulary]. In V. V. Slavkin (Ed.), *Uchimsia govorit' po-russki. Problemy sovremennogo iazyka v elektronnykh SMI* [We Are Learning to Speak Russian. Problems of Modern Language in Electronic Media] (pp. 118–119). Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova.

Freud, S. (2001). *Ia i Ono* [The Ego and the Id]. Moscow: EKSMO-Press; Kharkov: Folio.

Il'yasova, S. V., & Amiri, L. P. (2009). *Iazykovaia igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language Game in the Communicative Space of Media and Advertising]. Moscow: Flinta.

Klobukov, E. V. (2015). Univerbatsiia v ee otnoshenii k sisteme sposobov sovremennogo russkogo slovoobrazovaniia [Univerbation in Its Relation to the System of Methods of Modern Russian Word Formations]. In L. P. Klobukova, L. A. Dunaeva, & I. B. Vasilyeva (Eds.), *Iazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izuchenii i prepodavaniia* [Language, Literature, Culture: Relevant Issues of Studying and Teaching] (Iss. 11, pp. 68–80). Moscow: MAKSS Press.

Klobukov, E. V., & Gudilova, S. V. (2005). Produktivnye tipy obrazovaniia sovremennykh russkikh abbreviatur [The Productive Types of Education of Modern Russian Abbreviations]. In L. P. Klobukova, L. A. Dunaeva, & I. B. Vasilyeva (Eds.), *Iazyk, literatura, kul'tura: aktual'nye problemy izuchenii i prepodavaniia* [Language, Literature, Culture: Relevant Issues of Studying and Teaching] (Iss. 1, pp. 17–34). Moscow: MAKSS Press.

Knorre-Dmitrieva, K. (2015, February 14). Abbreviatury vremen polnoi politicheskoi stabil'nosti [Abbreviations of Times of Complete Political Stability]. *Novaya gazeta*, 16. Retrieved from <https://novayagazeta.ru/articles/2015/02/14/63055-chego-stoit-odin-171-operden-187>

Kuznetsov, S. A. (2008). *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Contemporary Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St Petersburg: RIPOL klassik.

Muzychuk, T. L. (2016). Shkraby iz MUDO: abbreviaturnye slova v informatsionnom toponimicheskom prostranstve sibirskogo goroda [Shkraby from MUDO: Abbreviated Words in the Toponymic Information Space of a Siberian City]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 5(4), 665–672.

Nikishina, S. A. (2011). Abbreviatury: genesis, slovoobrazovatel'nyi status, morfemnaia struktura, tematicheskie gruppy, upotreblenie i prognozy [Abbreviations: Genesis, Word-Formation Status, Morpheme Structure, Thematic Groups, Usage and Forecasts]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 4, 37–47.

Sannikov, V. Z. (2002). *Russkii iazyk v zerkale iazykovoi igry* [The Russian Language in the Mirror of Language Game]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Sannikov, V. Z. (2005). Ob istorii i sovremennom sostoianii russkoi iazykovoi igry [On the History and Current State of Russian Language Game]. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 3–20.

Shumarin, S. I. (2011). Novye tendentsii v abbreviatsii [The New Trends in Abbreviation]. *Russkij iazyk v shkole*, 6, 85–91.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaia grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Skovorodnikov, A. P. (2007). Lingvotsinizmy [Linguo-cynicisms]. In L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, & E. N. Shiryayeva (Eds.), *Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: An Encyclopedic Reference Dictionary] (2nd ed., pp. 302–303). Moscow: Flinta; Nauka.

Skovorodnikov, A. P. (2016). *Ekologiya russkogo iazyka* [The Ecology of the Russian Language]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

Solganik, G. Ya. (2002). *Osnovy lingvistiki rechi* [The Fundamentals of Linguistics of Speech]. Moscow: Russkii iazyk.

Stakheyeva, A. V. (2009). Abbreviatsiia kak slovotvorchestvo i iazykovaia igra [Abbreviation as Wordbuilding and Language Game]. In A. V. Stakheyeva, & N. A. Vlaskina, *Funktsional'nye i etnokul'turnye aspekty izuchenii russkogo iazyka* [The Functional and Ethnocultural Aspects of Russian Language Studies] (pp. 17–166). Rostov-on-Don: YUNTS RAN Press.

- Superanskaya A. V., & Podol'skaya, N. V. (2012). *Obshchaia terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology: Theoretical Issues]. Moscow: Book House "LIBROKOM".
- Tibilova, M. I. (2008). Rol' sovremennykh abbreviatur v formirovanii iazykovoi kartiny mira [The Role of Modern Abbreviations in the Formation of the Linguistic Worldview] (pp. 59–63). In *Iazykovoe obrazovanie v dialoge kul'tur: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language Education in the Dialogue of Cultures]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena.
- Tibilova, M. I. (2011). *Abbreviatury-innovatsii: sistemno-opisatel'nyi i ligvopragmaticheskii aspekt* [Innovative Abbreviations: System-Descriptive and Linguo-Pragmatic Aspect] (doctoral dissertation). Astrakhan.
- Tkhu Khyong BeT khi. (2019). Abbreviatury v iazyke sovremennykh sredstv massovoi informatsii [Abbreviations in the Language of the Contemporary Media]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaia filologiya*, 3, 17–26.
- Togoeva, S. I. (2019). Novoe slovo: podkhody i problemy [The New Word: Approaches and Problems]. In L. V. Barsuk, A. A. Zalevskaya, E. Yu. Myagkova et al., *Psikholingvisticheskie problemy funktsionirovaniia slova v leksikone cheloveka* [Psycholinguistic Problems of Word Functioning in the Human Lexicon] (pp. 75–101). Tver: Tver State University.
- Vodolazkin, E. G. (2019). Goskomabbreviatura [Goskomabbreviation]. In E. G. Vodolazkin, *Dom i ostrov, ili Instrument iazyka* [Home and Island, or a Language Tool] (pp. 242–251). Moscow: AST.
- Volkov A. A. (2015). *Iazyk i myshlenie* [Language and Thinking]. Moscow: LENAND.
- Yamburg, E. A. (2019). Chto prazdnuem, mil chelovek [What are we celebrating, dear man]. *Moskovskij Komsomolets*. Retrieved from <https://www.mk.ru/social/2010/09/30/533367-chto-prazdnuem-mil-chelovek.html>
- Yarmashevich, M. A. (1990). *Obrazovanie i funktsionirovanie abbreviatur v gazetno-publitsisticheskom i nauchnom stiliakh (k probleme sootnosheniia koda i teksta)* [The Education and the Functioning of Abbreviations in the Newspaper, Journalistic and Scientific Styles (on the Issue of Correlation between Code and Text)] (doctoral dissertation). Saratov.
- Yartseva, V. N. (Ed.). (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Yes'kova, N. A. (2000). Varvarskaia abbreviatura [Barbarian Abbreviation]. *Nauka i zhizn'*, 5, 38.
- Zemskaya, E. A. (1981). *Russkaia razgovornaia rech': Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech: General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka.
- Zemskaya, E. A. (2000). Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [The Active Processes of Modern Word Production] (pp. 90–140). In V. L. Vorontsova, M. Ya. Glovinskaya, E. I. Golanova et al.; E. A. Zemskaya (Ed.), *Russkii iazyk kontsa XX stoletia (1985–1995)* [Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow: Iazyk russkoi kul'tury.
- Zemskaya, E. A. (2004). *Iazyk kak deiatel'nost': Morfema. Slovo. Rech'* [Language as an Activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Чернейко Людмила Олеговна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус
гуманитарных факультетов
E-mail: avollis@mail.ru

Cherneyko, Lyudmila Olegovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of the Russian Language
Lomonosov Moscow State University
1-51, Leninskie Gory, 1, Humanities Building,
GSP-1, 119991 Moscow, Russia
Email: avollis@mail.ru

Ли Яньян

аспирантка кафедры русского языка
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус
гуманитарных факультетов
E-mail: selina.li2007@yandex.ru

Li, Yanyan

Graduate Student
Department of the Russian Language
Lomonosov Moscow State University
1-51, Leninskie Gory, 1, Humanities Building,
GSP-1, 119991 Moscow, Russia
Email: selina.li2007@yandex.ru